

Николай ИВАНОВ:

Говорим об истории – подразумеваем идеологию

Почему Россию называют страной с непредсказуемым прошлым? На какие вопросы должна отвечать история: только на сакраментальные «Что? Где? Когда?» или еще и дополнительные «Кто? Зачем? Каким образом?» И как в ней отделить зерна от плевел, то есть истину от идеологических баек?

В общем, наша история – сплошные вопросы. Ответы на них сейчас активно пытаются найти представители различных сфер общества. Поищем их и мы с помощью людей, для которых история стала профессией или, как минимум, базовым образованием: выпускников знаменитого курского истпеда – исторического факультета педагогического института, ныне КГУ. Один из них – депутат Госдумы от КПРФ Николай Иванов, кандидат педагогических наук.

– Николай Николаевич, история своей переменчивостью, пожалуй, напоминает политику. Как, по-вашему, это ее обычное свойство или навязанное правящей элитой?

– История всегда и везде была служанкой политики. Точка зрения на события обычно преподносится так, как выгодно правящему классу на сегодняшний момент. В истории любого государства есть такие эпизоды, о которых

говорить тяжело и неприятно, но «империей зла» был признан именно СССР. Кстати, сейчас в нашем обществе мы наблюдаем метаморфозу – переход от отрицания своего прошлого к его признанию. В том числе – на уровне государственной политики. Когда я слушал выступление президента Путина перед Федеральным Собранием, то насчитал среди его предложений 19 позиций из арсенала КПРФ. Это знаменательно: чем старше становится глава государства, тем больше думает о том, что оставит после себя. Сейчас происходит восстановление многих символов советской эпохи. Даже термин такой появился – «технологический социализм».

– Ну а во времена СССР вы как историк ощущали давление идеологии?

– Так ведь истпед был идеологическим факультетом. И между прочим туда было очень трудно поступить: конкурс доходил до 18 человек на место! Потому что образование там давали фундаментальное. У нас был

очень талантливый курс: многие мои однокашники сейчас руководят различными административными структурами, возглавляют предприятия, имеют научные звания и достижения. И идеология тут не помешала. Хотя в то время все общество было ею пронизано. Но мы жили в этой среде, и она казалась нам естественной.

Были, правда, моменты, когда история в связи с идеологией приводила в ужас. Занимаясь созданием музея института, я нашел в архивах газеты 30-х годов. А там – о собраниях в таких выражениях: «осудить этих гадов», «расстрелять»... В общем, со страниц тех газет хлынула такая атмосфера репрессий и доносов, что стало страшно. Но у нас уже другое время было: спокойные и счастливые 70-е годы, которые недаром называют именем «дорогого Леонида Ильича». Тогда работа, жилье, образование, медицинское обслуживание – все гарантировалось государством. И это было уничтожено вместе с СССР.

– Приходилось ли вам пересматривать те ценности, которые были заложены во времена учебы в пединституте?

– Знаете, я с тех пор получил еще три высших образования – социально-го работника, юриста и политолога, но работаю, в сущности, по первой профессии – идеологической. Ведь главное, что было в нас заложено тогда, – это чувство ответственности за все происходящее вокруг. Это в нынешние времена каждый за себя, а тогда ты за все в ответе. И сейчас, если мне кто-то из однокурсников обратится с какой-то просьбой, я сделаю все, что могу. Вообще, благодаря тому, что было заложено истпедом, я сплю спокойно по ночам, потому что никого не предавал. Хотя повороты истории у нас бывали крутыми. И в 90-х было жутко наблюдать, как многие мои знакомые быстро меняли взгляды: хаяли то, что еще недавно воспевали.

Но закалка, которую дал наш факультет, помогла пережить все сложности и сохранить личность. На юбилее празднования комсомола я говорил о том, как в советское время мы жалели, что поздно родились и не могли повторить подвиги наших отцов. И не могли в то время представить, что в 90-е называть себя комсомольцем станет, по сути, сродни подвигу. Потому что поменялась идеология. Так что история с ней, как ни крути, связана очень крепко.